

Д. В. Болдырев

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ИНСТИТУТУ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ.
1864 г. – НАЧАЛО XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Создание органов принудительного исполнения для государства было ключевым фактором в развитии и совершенствовании судебной системы. От политики государства по регламентации деятельности судебных приставов зависят правильность работы судебных органов и общая логика исполнения решений последних на практике. Концептуально определенная позиция государства к должности судебного пристава в рассматриваемый период легла в основу функционирования современной службы судебных приставов. Целью исследования является определение ключевых направлений государственной политики по отношению к институту исполнения и анализ конкретных мер власти по совершенствованию и реформированию исполнительного производства в целом.

Материалы и методы. В основе изучения поставленной проблемы лежат неопубликованные источники по истории России и Пензенской губернии, что определяет новизну и научное содержание исследования. Методологической основой стали принципы историзма и научной объективности. Применение принципа историзма позволило провести ретроспективный анализ развития института судебных приставов через призму концептуальной роли государства по регламентации деятельности последних. Принцип научной объективности обусловил исследование проблемы вне зависимости от идеологических и иных субъективных оценок историков.

Результаты. Государственная политика по отношению к судебным приставам носила формальный характер. Тем не менее государство предпринимало попытки по конструированию статуса судебного пристава. Ими были введение должности судебного рассыльного, повышение штатного жалования, уменьшение суммы залога при вступлении в должность, расширение сотрудничества приставов с другими гражданскими ведомствами, например с почтовым, для облегчения доставки повесток.

Выводы. Создать государственный орган с собственной юрисдикцией и административным аппаратом не удалось. Основными проблемами на пути становления и развития института судебных приставов стали их низкая оплата труда, социально-правовой статус, недостаточность кадрового состава на местах и в целом престижность данной профессии, также возможность замены судебного пристава чинами полиции или органами местной власти. Попытки разрешить сложившиеся противоречия в полном объеме в исследуемый период государству не удалось, а принимаемые меры носили вспомогательный характер.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., судебный пристав, судебный рассыльный, такса вознаграждения, залог, тяжущиеся, кадровая проблема.

**PUBLIC POLICY IN RELATION TO THE INSTITUTION
OF BAILIFFS IN RUSSIA. 1864–1917
(BY MATERIALS OF THE PENZA REGION)**

Abstract.

Background. Establishment of the law-enforcement bodies was a key factor for the state in development and improvement of the judicial system. Correct functioning of judiciary bodies and the general logic of execution of court decisions in practice depend on the policy of state regulation of bailiffs. A conceptually determined position of the state to the post of a bailiff in this period formed the basis of modern bailiffs' functioning. The purpose of this study is to determine the key directions of the state policy in relation to the institution of bailiffs and to analyze the specific measures by the authorities in improvement and reformation of execution procedures as a whole.

Materials and methods. The study of the given problem is based on the unpublished sources on the history of Russia and the Penza province, which determines the novelty of the scientific content of the research. The methodological basis of the study included the principles of historicism and scientific objectivity. Application of the principle of historicism allowed to conduct a retrospective analysis of the bailiffs' institution development through the prism of conceptual role of the state in regulation of the activity of the latter. The principle of scientific objectivity led to investigation of the problem, regardless of ideological and other subjective assessments by historians.

Results. The state policy towards the bailiffs was formal. However, the state attempted to design the status of a bailiff. The authorities introduced the jobs of court messenger, increased staff salaries, reduced the amount of mortgage when taking the office, expanded cooperation of bailiffs with other civilian agencies, for example with the post to facilitate the delivery of agendas.

Conclusions. The attempt to create a public body with its own jurisdiction and administration failed. The main obstacles of formation and development of the institution of bailiffs became their low wages, socio-legal status, lack of personnel and overall prestige of the profession, also the possibility of replacing the bailiff ranks by the police or local authorities. The attempts by the state to resolve the existing contradictions in the analyzed period failed, and measures taken were of an auxiliary character.

Key words: judicial reform of 1864, bailiff, court messenger, wages, mortgage, litigants, personnel problem.

Судебная реформа 1864 г. оказала решающее воздействие на становление института исполнительного производства в вопросах его теоретической разработки и функционирования, а также на этапе его практического определения на историческом пространстве Российской империи.

В настоящее время, в условиях постоянного стремления государства к укреплению эффективности функционирования всех ветвей власти, внимание к службе судебных приставов как основной структуре по обеспечению стабильной работы судебной системы растет. В этой связи становится актуальным изучение различных аспектов становления и развития института судебных приставов, которые не достаточно изучены в исторической литературе и не исследовались в рамках Пензенского региона.

Институт судебных приставов в общероссийском масштабе дореволюционного периода исследовали, например, В. В. Захаров и Т. А. Зезюлина [1, 2], а на муниципальном уровне, в границах Казанской губернии и области войска Донского известны работы О. А. Ивановой и А. Ю. Мирошниченко [20]. Однако в приведенных выше трудах государственная политика как предмет исследования не была изучена, а основное внимание уделялось правовой и организационной характеристике деятельности судебных приставов. Поэтому изучение поставленной нами проблемы необходимо в целях воссоздания комплексной истории службы судебных приставов и анализа неопубликованных источников, впервые вводимых нами в научный оборот.

В начале 1860-х гг. государством была определена цель гражданского процесса – правильное и скорое исполнение судебных решений. По действующим законам исполнение судебных решений было предоставлено полиции, а наблюдение за исполнением и принятие мер к обеспечению возлагалось на судебные места, не имеющие непосредственной власти над полицией. Сложившаяся ситуация приводила к бюрократизации процесса принудительного исполнения судебных решений и делало его медленным. Полиция, с одной стороны, обязана была исполнять все требования суда, а с другой стороны, не была ему подведомственна. В этой связи приоритетными в деятельности полиции стали задачи, определяемые непосредственно МВД, а не обеспечение принудительного исполнения судебных решений. Поэтому природа происхождения и впоследствии позиция официальных властей к вопросам регулирования процесса исполнения носили двойственный характер [3, с. 124.]. Такая постановка вопроса о взаимодействии суда и полиции в целом создавала препятствия административного характера непосредственно в процессе исполнения и вынуждала законодателя регулировать деятельность института судебных приставов, преодолевая существовавшие правовые пробелы.

Одним из ключевых критериев, обеспечивающих эффективность деятельности судебного пристава, было наличие у последнего должной степени «благонадежности и нравственности» [4, л. 1]. Однако, несмотря на всю сложность и важность процесса исполнения судебных решений, государство фактически не предъявляло к ним жестких требований при принятии в должность, что, на наш взгляд, отражалось на качестве работы последних.

Также следует отметить, что к приставам не предъявлялись требования об образовательном цензе, поэтому порой обеспечивать решения судов приходилось лицам из среды крестьян, мещан либо отставных солдат. Подобная позиция государства создавала очевидные препятствия к развитию и совершенствованию непосредственно гражданской государственной службы, на которую могли определяться представители вышеупомянутых социальных слоев российского общества. С другой стороны, такой демократический подход стал реальной возможностью для последних занимать должность судебного пристава как одного из структурных элементов судебной системы ради дальнейшего продвижения по службе в рамках судебного ведомства.

Несмотря на противоречивость государственной политики в сфере обеспечения судебной системы соответствующими кадрами в 1870-е гг. правительство активно пропагандировало идею о занятии должностей по судебному ведомству лицами преимущественно с юридическим образованием [5, л. 4 об.]. Но предпринимаемые меры были недостаточными. Таким обра-

зом, государство, предъявляя требования к занятию должностей в системе судопроизводства, такие как удовлетворительность отзывов о деятельности лица, его нравственных качествах и компетенции, фактически не заботилось о престижности деятельности судебного пристава, так как вышеуказанные требования для них носили, по нашему мнению, декларативный характер.

Уже в первые годы проведения в жизнь судебной реформы 1864 г. одной из ключевых целей государства стала политика по удешевлению процесса исполнительного производства. В этой связи в 1867 г. на муниципальном уровне предполагалось снижение земскими собраниями денежного содержания судебного пристава. С другой стороны, вместе с содержанием судебный пристав, по решению земского собрания, мог получать и особое вознаграждение за отдельные действия по таксе. Таким образом, мы определяем систему вознаграждения судебного пристава как мобильную, но тем не менее различную в разных местностях, что способствовало размыванию границ института судебных приставов как институционального образования.

В судебной системе правительство видело гарант системы обеспечения жизненных интересов государства. Официальная позиция Минюста заключалась в том, что «лучшие силы страны» должны привлекаться на должности чинов судебного ведомства для сохранения самых важных и ценных интересов населения [6, л. 408]. Исходя из подобного характера поставленных целей определялась благонадежность кандидатов на должность судебного пристава.

Деятельность судебного пристава постоянно была связана с хранением и распределением денежных средств, которые он получал от тяжущихся на руки. Такая доверительная политика государства способствовала увеличению роли судебного пристава как одного из источников материальных доходов властных структур. Однако на практике данная политика не отвечала непосредственным интересам приставов. Еще в 1867 г. Минюст и МВД пришли к выводу, что означенное вознаграждение должно составить общую принадлежность всех судебных приставов каждого мирового округа и распределяться будет соразмерно их трудам и заслугам, по усмотрению мирового съезда [7, л. 3 об.].

Фактически механизм определения кандидатов на должность судебного пристава был, на наш взгляд, формален. Должность судебного пристава отдельными кандидатами рассматривалась как один из этапов продвижения по государственной гражданской службе. При таких условиях государство было озабочено вопросами не только нравственной сущности судебных приставов, но и качеством исполнения ими своих служебных обязанностей. Противоречивая политика государства приводила к тому, что процесс, и соответственно компетентность, будущих судебных приставов при утверждении их в должности характеризовался как замкнутый.

Разночинцы и чиновники низших рангов, поступая на должность судебных приставов, преследовали личные цели, которые превалировали над непосредственными интересами государства по эффективности функционирования исполнительного производства. Так, в 1890 г. на должность судебного пристава при Городищенском мировом съезде поступили два титулярных советника Н. М. Новиков и Е. Ф. Коротов. Благонадежность данных лиц определяли сумма и скорость внесения залога, что для кандидатов не представляло препятствий. Н. М. Новиков 5 марта 1890 г. представил залог в размере 500 руб. [8, л. 4].

Значение должности судебного пристава подчеркивалось целью его служения Отечеству. Она заключалась в обязанности преодолевать все препятствия на пути исполнения судебного решения и действовать таким образом, чтобы не создавать для тяжущихся условий для подкупа пристава или предвзятого отношения последнего к той или иной стороне в рамках исполнительного производства. Если судебный пристав недобросовестно исполнял свои обязанности, то он немедленно лишался занимаемой должности. В этой связи крайне важной задачей для государства стало проведение политики по повышению «нравственного уровня» судебного пристава, от чего, как предполагалось, должно было зависеть и качество исполнения судебных решений [4, л. 17].

Судебные приставы государством были выделены в особую должность, при которой, в отличие от других должностей судебного ведомства, не обязательно было иметь юридическое образование для осуществления действий по исполнению решений суда. Кроме того, председатели судебных мест на основании ст. 218, 300 учреждения судебных установлений могли отстранять судебного пристава от должности на основании собственного решения, что также служит подтверждением несостоятельного механизма правовой защиты судебного пристава от административного влияния со стороны органов государственной власти.

К середине 70-х гг. XIX в. в департамент Министерства юстиции поступали предложения о конкретных мерах по повышению значимости должности судебного пристава. Они заключали в себе просьбы о введении образовательного ценза при вступлении пристава в должность (окончание курса наук в гимназии, средних учебных заведениях или же введение испытаний, направленных на определение соответствия кандидата должности, дополняемые конкретными доказательствами применения способностей при совершении исполнительных действий), а также введение механизма судебной защиты пристава при его увольнении.

Кроме того, предлагалось предоставить председателям соответствующих судебных мест реальную возможность утверждать в должности судебного пристава лиц, окончивших курс юридических наук в высших учебных заведениях без залога, так как считалось, что залог в размере 600 руб. в силу своей недостаточности все равно не мог служить серьезным основанием обеспечения на случай возмещения убытков, причиненных на службе судебным приставом [4, л. 42 об.].

К концу 1870-х гг. государством были сформулированы общие подходы по организации работы судебных приставов. В статусном отношении они получили восьмой классный чин совместно с введением такой системы материального содержания, которая позволяла последним получать вознаграждение за исполнительные действия сверх фиксированного штатного. Этим определялось стремление законодателя создать в России самостоятельный орган исполнительной власти.

Порядок назначения лиц на должность судебного пристава соблюдался на местах формально. Поэтому, например, для низших чинов существовала реальная возможность поступить на службу в судебное ведомство, имея при этом просто положительную репутацию или желание исполнять обязанности судебного пристава.

В 1880 г. в Пензенской губернии подобным образом на должность судебного пристава практически в течение суток (с 15 по 16 декабря) был принят телеграфист, а впоследствии коллежский регистратор Саратовского телеграфного округа, В. О. Дьяконов. Положительный формулярный список и отсутствие обстоятельств, препятствующих к занятию классных чинов, позволили ему в том же году, после увольнения с телеграфной службы по состоянию здоровья, по собственному прошению стать судебным приставом Городищенского мирового округа [9, л. 8]. Необходимо отметить, что одной из причин поступления В. О. Дьяконова на службу стала система денежного довольствия судебных приставов в 600 руб. в год, взамен 240 руб. в должности канцелярского работника телеграфного ведомства [9, л. 7].

Одним из распространенных способов поступить на должность судебного пристава была личная просьба самого кандидата. Так, в 1886 г. писец 2-го разряда А. И. Алексеев поступил на службу судебным приставом при Саранском съезде мировых судей, а в 1880 г. на ту же должность поступил коллежский регистратор С. И. Робустов при Съезде мировых судей Городищенского уезда Пензенской губернии [10, д. 16, л. 1]. В целом считаем, что такой упрощенный порядок назначения на должность судебного пристава занижал ее авторитет по сравнению с другими чинами судебного ведомства.

В продолжение вышеизложенного отметим, что в свою очередь исполнение обязанностей судебного пристава для будущего трудоустройства на государственную службу служило важным этапом при назначении на другую должность более высокого порядка. Например, уже спустя два года исправления обязанностей судебного пристава В. О. Дьяконов в 1882 г. ходатайствовал об утверждении его в должности директора Городищенского тюремного управления [9, л. 11].

Таким образом, складывалась ситуация, при которой руководители подразделений суда на местах «не слишком разборчиво и с разнообразными взглядами и побуждениями, упуская совсем из виду интересы общества» подходили к выбору кандидатов на должность судебного пристава [4, л. 96 об.]. Такой подход снижал не только эффективность выполнения поставленных перед приставами правосудием задач, но и качество функционирования системы исполнительного производства. Это выражалось в недостаточном уровне подготовки кандидатов на должность судебного пристава и в последующих практических действиях судебных приставов, которые, как правило, имели некоторые упущения по службе, нарушая интересы сторон в рамках судопроизводства.

Одним из ключевых элементов взаимодействия судебного пристава, государства и тяжущихся стали залоговые отношения. Залог был гарантией возмещения убытков, причиненных судебным приставом. Для Министерства юстиции основным оставался вопрос о размере залога, так как необходимо было учесть и возможное возмещение убытков, и одновременно то, чтобы сумма залога была приемлемой для лиц, желавших вступить в должность судебного пристава. Так, в 1866 г. для Московской и Санкт-Петербургской судебных палат размер залога устанавливался в 500–600 руб.

Однако вышеупомянутое в Пензенской губернии сделать не удалось, так как уже в июне 1869 г. наметилась тенденция к снижению размера залога относительно суммы, установленной в центральной части России, несмотря

на представление департаментом законов Госсювета от 22 февраля 1869 г. о распространении единого размера залога (600 руб.) в указанных выше территориях (для округов Московской, Санкт-Петербургской, Харьковской, Одесской судебных палат, а также Полтавской и Нижегородской губерний) и на вновь открываемые судебные округа. Для этого 18 июня 1869 г. Пензенской палатой уголовного и гражданского суда было подготовлено отношение № 616 в Минюст, по поручению последним еще от 30 мая того же года, о принятии мер к «избранию благонадежных и способных лиц, желающих поступить в судебные приставы», а также об определении их количества. В нем говорилось, что кандидаты на должность судебного пристава затруднялись в представлении залога в 600 руб. и что такими были даже благонадежные лица.

В рамках диалога с местными органами судебного ведомства, в частности, по просьбе председателя Пензенской палаты уголовного и гражданского суда, размер залога был снижен до 300 руб. Так, в сентябре 1887 г. при определении на должность судебного пристава подпоручика С. М. Артоболевского на Съезде мировых судей Саранского округа ему было предписано жить и служить в г. Саранске, а также был потребован с него залог на случай возмещения убытков в размере 300 руб. [10, д. 18, л. 1 об.].

Необходимо отметить, что в Пензенской губернии размер залога не был фиксирован, поэтому мы можем констатировать разные в этом отношении суммы залога. Так, при определении на должность еще в июне 1881 г. пристава Дьяконова размер залога составил 500 руб. [11, л. 23], а 5 марта 1890 г. Съездом мировых судей Городищенского уезда с принятого на должность судебного пристава Н. М. Новикова взимался залог в размере 600 руб. При утверждении в должность судебного пристава Керенского съезда мировых судей И. В. Попова им был представлен залог всего в 100 руб. [10, д. 361, л. 26].

Пензенская губерния, являясь по статусу муниципалитетом второй очереди, где вступала в силу буква закона судебной реформы 1864 г., практически до организации Пензенского окружного суда в 1871 г. сохраняла старые пережитки дореформенного порядка исполнения судебных решений. Поэтому в части уездов не было судебных приставов.

Данная проблема вынуждала государство идти по пути увеличения личного состава судебных приставов на местах, а также организовывать работу по повышению эффективности и качества деятельности судебного пристава. Для этого в 1880-е гг. была введена должность судебного рассыльного, чтобы снизить общую нагрузку с приставов, а государство одновременно взяло курс на увеличение их содержания.

В связи с нехваткой судебных приставов на местах и издержек, возникающих в ходе исполнения или неправильного исполнения приставом собственных обязанностей, предлагалось преодолеть существующие проблемы путем разработки порядка связи суда с тяжущимися через почту. Таким образом, механизм взаимодействия тяжущихся через почту был интегрирован в деятельность судебного пристава 7 июня 1909 г.

Кадровая проблема заключалась не только в недостаточном профессионализме отдельных судебных приставов, но и в их количестве. Так, в Пензенской губернии в 1880 г. насчитывалось 10 подведомственных окружному суду уездов, при том что количество судебных приставов было, по нашему

мнению, недостаточное, а именно 12. Из этого количества треть находилась в г. Пензе, а остальные были распределены по уездам. В уездах где приставы отсутствовали, например в Краснослободском уезде Пензенской губернии, их непосредственные функции выполняли органы полиции [4, л. 111 об.].

К концу XIX в. Пензенская губерния испытывала потребность в судебных приставах. Однако государство кардинально проблему не решало из-за отсутствия казенных ресурсов, поэтому увеличение штатного состава приставов было несущественным. К 1897 г. в Пензенской губернии насчитывалось 13 судебных приставов, что лишь на одну единицу больше, чем в конце 1870-х гг. В целом в губернии в этот период несли службу следующие приставы: Андреев, Стрельников, Архангельский, Благославов, Спасский, Каршинов, Ростанский, Доменков, Шелешков, Львов (в Наровчатском уезде), Иванов, Васильев, Львов (в Краснослободском уезде) [12, л. 201].

К 1905 г. приставов Пензенской губернии стало вновь 12. Данный показатель мы оцениваем как средний по сравнению с общим числом приставов при других окружных судах, например, при Саратовском окружном суде их было 18, при Тамбовском – 16, Казанском – 18, Воронежском – 16, Тульском – 15, Санкт-Петербургском – 75, Московском – 60 [13, л. 3 об.].

В этой связи в начале 1880-х гг. в Минюст неоднократно поступали представления председателей судебных палат и окружных судов с ходатайствами об увеличении числа состоящих при них судебных приставов. Данное обстоятельство было спровоцировано самим правительством, которое не назначило ни одной должности судебного пристава на местах в России в течение 1873–1879 гг. (по данным отчета Минюста за период 1873–1879 гг.) [5, л. 7–16]. Такая ситуация сложилась потому, что на начальном этапе реализации судебной реформы государством преследовалась не только цель удешевить процесс исполнения, но и, в силу отсутствия конкретной практики и преемственности существовавшего исполнительного механизма, привлекать к исполнению судебных решений органы полиции с целью компенсировать отсутствие необходимого количества судебных приставов.

В связи с обострением общественно-политической обстановки в России в начале XX в. властные органы стали обращать большое внимание на определение благонадежности представителей судебного ведомства. Политические взгляды чинов судебной ветви власти контролировались и преследовались законодателем на государственном уровне. Ключевым становилась обсуждаемая Сенатом проблема о праве должностных лиц судебного ведомства примыкать к преследующим политические цели обществам и союзам, а также политическим партиям без разрешения властных органов. Итогом такого положения дел стала резолюция Сената от 9 октября 1906 г., в соответствии с которой судьям, чинам канцелярии судебных установлений, судебным приставам и рассыльным, а также кандидатам на судебные должности и нотариусам запрещалось состоять не только в политических партиях, обществах и союзах, но и в таких организациях, которые в своих программных документах содержали призыв к борьбе с правительством и призывали к такой борьбе население.

В заключение стоит обратить внимание на механизм денежного содержания судебных приставов, который порой создавал условия для злоупотреблений должностными обязанностями самого пристава. Причины подобного

поведения стоит искать в низком размере оплаты труда и фактической замкнутости данной должности, которая практически не создавала условий для обеспечения движения судебного пристава по карьерной лестнице. Например, по округу Саратовской палаты, к ведению которой относился Пензенский окружной суд, вознаграждение за каждое поручение в 1879 г. составляло 8 руб. 40 коп., в 1880 г. – 6 руб. 40 коп., в 1887 г. – 4 руб. 25 коп., в 1888 г. – 4 руб. 70 коп., в 1889 г. – 4 руб. 50 коп., в 1890 г. – 3 руб. 90 коп. При этом количество прогонов возросло, в частности, в Саратовском округе с 1877 г., когда по каждому поручению причиталось прогонов в размере 7 руб. 20 коп., в 1889 г. данная сумма стала равняться 9 руб. 50 коп. Вышеуказанные данные проводят нас к заключению, что судебные приставы или не полностью взыскивали весь следующий им сбор, или, что более вероятно, показывали взысканный в действительности сбор в меньшем размере, присваивая часть себе, или одновременно требовали прогонов больше, чем им причиталось по закону [14, л. 4].

В ответ на подобное положение дел еще в 1884 г. в Минюсте обсуждался вопрос о полном освобождении тяжущихся от сборов на судебных приставах и замены этих сборов назначением в пользу названных должностных лиц дополнительного содержания. При этом исковые пошлины были увеличены. Однако это встретило волну неодобрения со стороны судебной общественности, со стороны старших председателей Санкт-Петербургской, Московской, Саратовской, Киевской, Казанской и Варшавской судебных палат. Также они полагали, что отмена вознаграждения судебного пристава за каждое произведенное им действие уничтожит главную причину, побуждающую его к добросовестной деятельности.

Таким образом, государство предпринимало меры по регламентации деятельности судебных приставов в исследуемый период. Конструирование социального статуса и меры, направленные на повышение его значимости, не оказали решающего воздействия на деятельность органов принудительного исполнения. В силу отсутствия конкретного опыта по организации исполнительного производства в Российской империи властные структуры определили вектор своей политики – это путь возможного замещения должности судебного пристава чинами полиции или местными органами власти. В связи с этим приставы оказались в подчиненном положении по отношению к другим институциональным образованиям.

Введение должности судебного рассыльного и попытки организовать связь судебного ведомства и тяжущихся через почту (тем самым судебные приставы освобождались от лишней бумажной волокиты), на наш взгляд, создавали препятствия для получения приставом вознаграждения по установленной государством таксе, которое ему предусматривалось, в частности, за доставку повесток и других бумаг.

В этом смысле мы вынуждены охарактеризовать концепцию государственной политики в отношении института судебных приставов как половинчатую. Принимаемые меры носили скорее ответный характер на проблемы, определенные практикой исполнения и деятельности судебных приставов, нежели плановый и поэтапный. Не сложилась единая система взимания залога с будущих приставов, а механизм денежного содержания был непонятен и сложен.

Список литературы

1. **Захаров, В. В.** Институт судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Захаров В. В. – М., 2000.
2. **Зезюлина, Т. А.** Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Зезюлина Т. А. – Владимир, 2006.
3. Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Госсовета о преобразовании судебной части в России. – СПб., 1862.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 73. Д. 3707а.
5. РГИА. Ф. 1405. Оп. 78. Д. 8660.
6. РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 5.
7. РГИА. Ф. 1149. Оп. 7. Д. 80.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 3. Д. 17. Л. 4.
9. ГАПО. Ф. 42. Оп. 3. Д. 6.
10. ГАПО. Ф. 42. Оп. 10.
11. ГАПО. Ф. 42. Оп. 6. Д. 6.
12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 98. Д. 11065.
13. РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 42.
14. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 162.

References

1. Zakharov V. V. *Institut sudebnykh pristavov v dorevolyutsionnoy Rossii (1864–1917 gg.): dis. kand. yurid. nauk* [Institution of bailiffs in pre-revolutionary Russia (1864–1917): dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2000.
2. Zezyulina T. A. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i funktsionirovaniya instituta sudebnykh pristavov v Rossii (1864–1917 gg.): dis. kand. yurid. nauk* [Organizational-legal basis of establishment and functioning of the institution of bailiffs in Russia (1864–1917): dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Vladimir, 2006.
3. *Zhurnal soedinennykh departamentov zakonov i grazhdanskikh del Gossoveta o preobrazovanii sudebnoy chasti v Rossii* [Journal of united departments of law and civil affairs of the State council on judiciary reforms in Russia]. Saint Petersburg, 1862.
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian state historical archives (RGIA)]. F. 1405. Op. 73. D. 3707a.
5. *RGIA*. F. 1405. Op. 78. D. 8660.
6. *RGIA*. F. 1405. Op. 531. D. 5.
7. *RGIA*. F. 1149. Op. 7. D. 80.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State archives of Penza region (GAPO)]. F. 42. Op. 3. D. 17. L. 4.
9. *GAPO*. F. 42. Op. 3. D. 6.
10. *GAPO*. F. 42. Op. 10.
11. *GAPO*. F. 42. Op. 6. D. 6.
12. *RGIA*. F. 1405. Op. 98. D. 11065.
13. *RGIA*. F. 1278. Op. 6. D. 42.
14. *RGIA*. F. 1405. Op. 539. D. 162.

Болдырев Денис Вячеславович
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Boldyrev Denis Vyacheslavovich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: mr-boldyrev@ya.ru

УДК 94 (47) “1864/190”

Болдырев, Д. В.

Государственная политика по отношению к институту судебных приставов в России. 1864 г. – начало XX в. (по материалам Пензенской губернии) / Д. В. Болдырев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 17–27.